

После бессонной ночи Чжоу Чун, по обыкновению, проспал до полудня. Посмотрев на пустую постель рядом, он спросил: А-Фу, он ушел?

Хм, ушел очень рано. А-Фу, видя его невозмутимость, не удержался от легкой грусти: Ты совсем не злишься? Ведь он так с тобой поступил... Если бы не задание, Чжоу Чун, которого все привыкли носить на руках, ни за что не стал бы так унижаться и навязываться.

А на что злиться? — Чжоу Чун невозмутимо поднялся и принялся неспешно одеваться. — Мы с ним не просто так встречаемся. Я его раскусил: он из тех, кто на людях строит из себя недотрогу, а на деле — ох, какой податливый. На словах отнекивается, а тело всё выдает.

А-Фу, зря переживавший за него, вздохнул: Ну и как, теперь ты не против заниматься этим с мужчиной?

Чжоу Чун серьезно задумался: Я никогда не был против.

А-Фу: Я ошибся, спрошу еще раз: теперь ты не против быть снизу?

Чжоу Чун: Кажется, привык. Никаких особых ощущений.

А-Фу: Ну и ладно, у этого парня нервы как канаты...

Четырнадцатое июля, праздник Чжунъюань. Сегодня прославленный мастер праведного пути Ли Цзяньу пригласил героев цзянху на церемонию «омовения рук в золотой чаше», чтобы объявить об уходе из мира боевых искусств.

Ли Цзяньу вышел из среды благородных разбойников, а позже, встретив названного брата Лэн Линя, примкнул к клану Лэн. Восемнадцать лет назад, когда он был в отъезде, весь род Лэн был жестоко вырезан. С тех пор Ли Цзяньу в одиночку поддерживал репутацию семьи, но теперь в клане Лэн не осталось никого с такой фамилией — люди знали лишь Ли Цзяньу.

Ли Цзяньу умел ладить с людьми: он был не только выдающимся мастером, но и человеком покладистым, никогда не стремившимся к соперничеству.

Мастера праведного пути любили дружить с ним не только из-за мягкого характера, но и из-за его щедрости — он никогда не держался за земные блага.

Впрочем, была небольшая группа людей, которые судачили за его спиной: ведь после гибели рода Лэн Ли Цзяньу фактически получил в наследство всё богатство и статус именитого клана. И слава, и состояние — всё это вызывало зависть. Однако большинство отметало подобные домыслы, веря, что Ли Цзяньу не способен на такое.

В главном зале дома Ли все затаили дыхание: церемония началась.

Сегодня день моего ухода, благодарю всех, кто пришел засвидетельствовать это, — Ли Цзяньу, которому было около пятидесяти, выглядел моложавым и крепким. В цзянху никто не знал истинной причины его решения, но это не мешало ему довести дело до конца. — В моей жизни... не осталось сожалений, единственное, о чем я скорблю, это...

Глаза пятидесятилетнего мужчины наполнились слезами. Присутствующие зашумели: все знали, о чем речь — о той трагедии восемнадцатилетней давности.

Гости принялись утешать его: Великий мастер Ли, не терзайте себя. Глава клана Лэн давно покинул этот мир, вам пора отпустить прошлое.

Да-да, не стоит печалиться... Сегодня же радостный день... — раздавались со всех сторон слова утешения.

Ли Цзяньу изобразил благодарность, с трудом сдерживая скорбь, и поклонился гостям.

Великий мастер Ли — человек с широкой душой, ведь они были лишь названными братьями... — шептались в толпе, обсуждая былую дружбу.

Мастер уровня Ли Цзяньу, разумеется, слышал эти разговоры и остался доволен. После сегодняшнего дня он перестанет быть человеком цзянху, и всё, что было раньше, перестанет иметь к нему отношение.

Разумеется, та давняя история тоже навсегда уйдет в прошлое, и никто больше о ней не узнает. В этом мире будут помнить лишь прославленного героя Ли Цзяньу, и никто не узнает, на какие низости он был способен.

Восемнадцать лет эта тайна давила ему на сердце, и церемония была лишь способом избавиться от грызущей его совести. Атмосфера была прекрасной, Ли Цзяньу чувствовал, как с души падает камень, и был небывало спокоен.

Вдруг к нему подбежал ученик: Учитель, прибыл мужчина, называющий себя Лэн Сян.

Лэн Сян?

Ли Цзяньу вздрогнул, и руки, которые он собирался опустить в золотую чашу, слегка затряслись.

Учитель?

Ничего, ничего страшного. Проводи его в восточный двор, я встречу с ним после завершения церемонии, — приказал Ли Цзяньу, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие.

Слушаюсь, учитель. — Ученик поклонился и ушел.

Ли Цзяньу улыбнулся гостям: Прошу прощения, продолжим церемонию. На глазах у всех он рассеянно омыл руки, но пальцы его продолжали дрожать.

Он боялся не какого-то юнца, а того, что восемнадцать лет безупречной репутации рухнут в одночасье. Нет! Он не позволит этому случиться. Никто не узнает правды, потому что он не даст Лэн Сяну возможности открыть рот.

Взгляд Ли Цзяньу стал холодным. Он сложил руки в приветственном жесте: Мне стало нехорошо, пусть мой сын проводит вас к столам, а я пойду в задние покои принять лекарство. Прошу прощения за неудобства.

Никто из гостей не осмелился возразить, все лишь советовали ему поскорее пойти отдохнуть. Ли Цзяньу поспешил прочь, и его спина выдавала крайнюю степень тревоги — вовсе не из-за лекарства.

Чжоу Чун, который скрывался в толпе, надеясь бесплатно поесть и выпить, удивился: А-Фу, этот Ли Цзяньу кажется мне странным. Его добрая улыбка выглядит совершенно неестественно.

Чжоу Чун, сам мастер притворства, считал, что тот играет свою роль из рук вон плохо.

А-Фу согласился: Ты прав, выглядит фальшиво. По натуре он человек, который никогда не улыбается.

Чжоу Чун хмыкнул: Тогда зачем притворяться добродушным?

А-Фу покачал головой: Не знаю, возможно, чтобы что-то скрыть. Кстати, я засек Лэн Сяна, он где-то поблизости.

Чжоу Чун нахмурился: Ты говорил, что он придет, но... он что, пришел убивать? — Сердце его екнуло, он посмотрел в сторону, куда ушел Ли Цзяньу. — Главная фигура сегодня — Ли Цзяньу. Неужели он решил убить его?

А-Фу не интересовали цели Лэн Сяна, но на вопрос Чжоу Чуна ответил: Именно так. Он пришел за головой Ли Цзяньу. Впрочем, боевые навыки этого Ли Цзяньу тоже весьма недурны.

Чжоу Чун прикинул шансы, поднялся и спросил у проходящей мимо служанки: Девушка,

подскажите, где здесь уборная?

Служанка покраснела и, смущенно озираясь, проводила его.

Прошло много времени, Чжоу Чун так и не вернулся, а служанка потеряла его из виду и поспешила доложить молодому господину Ли Цзинсяню. В этот же момент прибежал слуга и передал, что отец хочет дать молодому господину поручение.

Ли Цзинсянь прислушался к словам отца и нахмурился. Тот запретил кому бы то ни было приближаться к восточному и заднему дворам, а тут служанка говорит, что гость потерялся — кто знает, не забрел ли он туда?

Живо! Найдите того господина! — приказал Ли Цзинсянь. — Нет, я сам его поищу. Отец сказал, что дело серьезное, если что-то случится, мне не сдобровать.

В глубине двора Лэн Сян и Ли Цзяньу уже сцепились в смертельной схватке в кабинете последнего.

Малец, не ожидал, что за восемнадцать лет ты так поднаторел в мастерстве, — Ли Цзяньу, несмотря на свое высокое искусство, не мог не признать этого. Но чем сильнее был Лэн Сян, тем опаснее он становился для него самого.

Лэн Сян молча наносил удар за ударом. Ему не о чем было говорить с этим зверем. Оба жаждали смерти противника, поэтому использовали лишь смертельные приемы, и оба были ранены. Лэн Сян шел напролом, не боясь смерти, потому что знал: Ли Цзяньу так просто не победить.

Когда Чжоу Чун подошел ближе, А-Фу предупредил его: Не подходи слишком близко, там бьются мастера, в любой момент можешь погибнуть.

Чжоу Чун, чья боевая ценность стремилась к нулю, послушался и нашел укромное место с хорошим обзором. Но когда он увидел, как его глупый наемный убийца пропускает удар за ударом, у него внутри всё закипело.

А-Фу, я волнуюсь за него.

А-Фу задумчиво произнес: Ты что, влюбился в Лэн Сяна?

Чжоу Чун промолчал: С таким уровнем мастерства разве может он проиграть Ли Цзяньу? — Он снова нахмурился: если проиграет — погибнет. Лекарство осталось всего одно, а прогресс задания всё еще не виден.

Возможно. Смотри.

Чжоу Чун посмотрел: Лэн Сян попался в ловушку Ли Цзяньу. Он спросил: А-Фу, скрытое оружие точно попадет в цель?

А-Фу был уверен: Система не подводит, можешь не сомневаться.

Ли Цзяньу, во что бы то ни стало решивший покончить с Лэн Сяном, еще раз ударил его в плечо, выведя из строя левую руку: Я виноват перед твоим отцом, перед всей твоей семьей. Но отомстить ты сможешь только в следующей жизни!

Лэн Сян глухо застонал, короткий кинжал выпал из его руки. Его левая рука была искалечена — та самая, которой он держал оружие.

Ха-ха-ха! — Ли Цзяньу расхохотался и нанес удар ладонью прямо в сердце Лэн Сяна.

Лэн Сян выплюнул кровь и отлетел в сторону, словно бумажный змей с оборванной нитью.

Сердце было разбито, всё тело пронзила невыносимая боль. В глазах Лэн Сяна мелькнуло отчаяние, гнев, ненависть! Он всю жизнь положил на месть, многим пожертвовал... Если он умрет, так и не отомстив...

Угх! — Ли Цзяньу пошатнулся. Ядовитое скрытое оружие лишило его сил в руках и ногах.

Лэн Сян, сменив отчаяние на надежду, из последних сил поднялся и здоровой правой рукой вцепился в горло Ли Цзяньу, готовясь отправить его на тот свет.

Стой!

Чжоу Чун обернулся и увидел, что на него направлен острый меч: Молодой господин Ли, кажется, вы что-то не так поняли? Я просто заблудился по пути в уборную.

<http://bllate.org/book/21242/2148976>